



Н.П. Руткевич

## УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ (воспоминания о Н.П. Руткевиче)

«Бисмарк отмечал, что во франко-прусской войне победил не кто иной, как немецкий учитель...» – эти слова я услышал от него при первом знакомстве. А было это зимой 1940 года. В зале Дворца пионеров собрали выпускников десятых классов Свердловска. Не помню, кто из ученых выступал тогда с трибуны. Откровенно говоря, мы больше болтали друг с другом, чем слушали ораторов. Но вот на трибуну вышел невысокий человек с низко выдвигающимся, какой-то необычной формы лбом и негромко начал этой фразой. И его стали слушать все. Его просто нельзя было не слушать...». Так написал о своем первом знакомстве с Николаем Паулиновичем Руткевичем доктор философских наук, академик Л.Н. Коган в воспоминаниях, написанных к сорокалетию со дня смерти Учителя. В этой статье мы еще много раз обратимся к вос-

поминаниям. За пятнадцать лет работы с историками Свердловска этот человек оставил о себе неизгладимую память. По-разному сложились судьбы его выпускников свердловских истфаков (СГПИ и УрГУ) разных лет, жизнь разбросала их по разным городам страны, в разные годы и в разных условиях были они его слушателями, разных успехов в жизни смогли добиться, но удивительно сходны, единодушны в оценках роли Учителя их воспоминания. Не будучи знакомы меж собой, умудренные опытом учителя школ, в которых он проводил практику со студентами, молодые их коллеги, методисты, доценты и профессора философских и экономических наук, ученые историки-новисты, журналисты – все они, не сговариваясь, отмечают, что он оставил в жизни каждого из них неизгладимый след.

Николая Паулиновича Руткевича пригласили для чтения лекций по новой и новейшей истории и руководства кафедрой Свердловского педагогического института в 1935 году, с 1941 года он одновременно преподавал в Уральском университете.

Уроженец Киева, способный студент, начавший публиковаться в студенческие годы, по окончании Киевского университета (1917) работал в высших учебных заведениях Украины, звание профессора получил в 1931 году без защиты диссертации. В Свердловск он приехал опытным, авторитетным научным работником в области экономических, исторических дисциплин и методики преподавания в вузе и средней школе. Среди многих занятий, которым он себя посвящал, самыми любимыми были история международных отношений и история Франции, языком этой страны он безупречно владел еще со студенческих лет. Принадлежал он к той счастливой породе людей, которые никогда не успокаиваются на достигнутом, не устают учиться и делают это с явным удовольствием. Психологи утверждают, что рядом с такими людьми постоянная учеба не воспринимается как досадная обязанность или обуза и незаметно становится потребностью.

Первой и весьма трудной в условиях 1930 – начала 1940 года задачей проф. Н.П. Руткевича было создание первой на Урале трудоспособной кафедры всеобщей истории, в задачу которой, кроме подготовки учителей истории, входила и теоретическая подготовка лекторов-международников Свердловской области, и передача им методического опыта. В течение длительного времени Н.П. Руткевич был единственным и непререкаемым руководителем областных семинаров лекторов и

ведущим лектором на всевозможных курсах усовершенствования учителей области, а с созданием областного Института усовершенствования учителей (ИУУ) – бессменным лектором и главным консультантом его кабинета истории.

Руководство кафедрой требовало больших усилий. С прибытием квалифицированных кадров из центра в первые годы существования Свердловского педагогического института дело обстояло плохо, приходилось брать на работу своих выпускников, имеющих опыт работы в школе до поступления на истфак. Одним из них стал выпускник учительского отделения, а позже заочник А.Ф. Фунтов, проработавший до конца дней своих в СГПИ, а после слияния истфаков – в УрГУ. Вчерашними выпускниками своего факультета приходилось пополнять ряды ассистентов (методисты Г.А. Кулагина, А.А. Янко-Триницкая, Е.Г. Мохов и др.). Все они нуждались в руководстве опытного наставника, каким и был Н.П. Руткевич.

Серьезное пополнение кафедры получила в лице кандидата исторических наук, доцента Наума Ефимовича Застенкера (1903–1977), работавшего ранее заведующим кафедрой всеобщей истории Белорусского коммунистического университета. Он был лектором высокой квалификации, читал лекции и вел спецсеминары по истории колониальных и зависимых стран и истории социалистических учений в СГПИ и УрГУ (1938–1947). В течение последующих тридцати лет (1943–1977) Н.Е. Застенкер был ведущим преподавателем кафедры новой и новейшей истории МГУ.

Были большие трудности в связи с отсутствием преподавателей высокой квалификации по истории древнего мира и средних веков, приходилось привлекать для чтения

лекций эпизодически появлявшихся в городе лекторов. То же переживал и исторический факультет УрГУ. Отрадные изменения произошли в 1940 году, в Свердловск получили назначение молодые, не имеющие еще достаточного опыта преподавания в вузе, но перспективные кандидаты исторических наук, доценты (тогда ученое звание присваивалось в связи с защитой) Е.Г. Суров (1912–1975) и Н.А. Бортник (1911–1977). Евгений Георгиевич Суров за короткое время приобрел славу одного из интереснейших и безусловно любимых студентами лекторов. Будучи человеком незаурядно одаренным, прекрасный рисовальщик, он увлекался своими рассказами о далеком прошлом настолько, что студенты забывали о необходимости ведения записи. С большой охотой он откликался на всевозможные нововведения заведующего кафедрой, учил студентов изготовлению наглядных пособий для школ города, одним из первых без труда перешел на чтение лекций по «немым» (контурным) картам. В институте за 15 лет работы он прошел все мыслимые «ступени»: доцент, декан факультета, заместитель директора института по учебной и научной работе. Наибольших успехов в научно-исследовательской работе ему удалось достичь уже после слияния истфаков в 1955 г., поскольку университет располагал средствами на организацию и проведение экспедиционных работ в Северном Причерноморье. В 1958 году Суров стал руководителем первой археологической экспедиции студентов в Крыму, на место Древнего Херсонеса, истории которого он посвятил всю свою жизнь.

Кафедре нужны были преподаватели по истории средних веков. Чтобы подготовить своего медиевиста, заведующий кафедрой взял на работу в качестве преподавателя латыни

учителя истории и завуча школы № 11 М.Я. Сюзюмова. Поступок этот потребовал от Н.П. Руткевича определенного мужества, так как состоявший в те годы в должности скромного учителя выпускник Юрьевского (Тартуского) университета, который проявил недюжинные исследовательские способности, начав публиковаться еще в 1916 году, находился в весьма непростых отношениях с советской властью и ее административными органами (подвергался репрессиям). Идя на риск, заведующий кафедрой понимал, что со временем сработает прекрасная теоретическая подготовка, научный задел в виде магистерской диссертации, прекрасное знание не только современных языков, но и латыни с греческим. В 1943 году М.Я. Сюзюмов блестяще защитил кандидатскую диссертацию, а в 1954 г. (Н.П. Руткевич, к великому сожалению, этого, увы, не дождался!) стал первым в СГПИ «доморощенным» доктором исторических наук. Впоследствии под его руководством сложилась уральская школа византиноведения.

Первая на Урале кафедра всеобщей истории, созданная Н.П. Руткевичем, стала со временем не только полноценным научным коллективом, но и постоянно действующей школой педагогического мастерства. Молодое пополнение кафедры – ассистенты (Ф.М. Шварц, С.Г. Лившиц) и аспиранты (О.Е. Вайнер, Е.Г. Мохов, Н.М. Щербакowa) – было объектом неусыпной заботы заведующего. Об этом говорят не только воспоминания, но и чудом сохранившиеся с тех далеких времен записочки Николая Паулиновича своим молодым коллегам из больницы: он беспокоится о них, всячески поддерживает советом и, главное, доверяет. Он не переставал повторять, что постоянная учеба и совершенствование – обя-

занность каждого члена кафедры независимо от возраста, должности и наличия степени или звания, что лучше всего делать это всем коллективом.

Годы становления и развития исторического образования на Урале совпали со временем господства догматизма и начетничества в исторической науке и мелочной опеки и регламентации в учебном процессе высшей школы. Во всем преобладал формализм: требовалось обязательное утверждение учебных планов, экзаменационных билетов, текстов лекций и др. Далеко не всем это было по душе. Сам заведующий кафедрой имел написанный текст всех своих лекций, хотя по писаному никогда не читал. Листки его лекций не успевали «пожелтеть» от времени, над ними шла постоянная работа. Интересно документальное свидетельство ассистента С.Г. Лившица: «Меня, тогда молодого вузовского преподавателя, интересовал вопрос, как он готовит свои лекции. Я иногда специально ходил на одни и те же его лекции в пединституте и в УрГУ. Сперва это удивляло Николая Паулиновича, он спрашивал, зачем я это делаю, а я отвечал, что хочу узнать и понять его “педагогическую кухню”. Некоторые лекции я прослушал по 2–3 раза и всегда находил в них что-то новое. Он не стоял на месте, постоянно совершенствовался». Этого он требовал и от всех членов кафедры. Настоящей школой являлось проведение так называемых открытых лекций. Для многих (и не только молодых преподавателей!) они являлись серьезным испытанием. Постоянно посещая занятия коллег, заведующий пришел к выводу, что такие лекции надо превратить из формы контроля в форму доброжелательной коллективной учебы.

При составлении кафедрального плана открытых лекций учитывалось, что предметом коллективного обсуждения должны быть разные темы: государственное устройство, войны, обострение социальных противоречий, культура и т.п., т.е. *темы*, а не лектор. Заведующий так вел обсуждение, что это не было обсуждением отдельных промахов лектора (известно ведь, что рядовая лекция, как правило, бывает лучше!), это было поиском того, как сделать лекцию лучше, интереснее, методически вернее. О том, что не удалось лектору, конечно, тоже говорилось, но без ненужной назидательности. В качестве заключения не раз звучала фраза Николая Паулиновича: «Сегодня мы славно поучились все вместе!» Строгим, менторствующим начальником, излагающим истины в последней инстанции его никто не запомнил. Об особом, уважительном отношении к молодым коллегам говорится в воспоминаниях А.И. Серова: «На летней сессии заочников пединститута я читал лекции по истории средних веков. Темой была крестьянская война в Германии. Уже через 20 минут после начала я почувствовал, что тону в фактах, событиях, действиях, что не успеваю, что надо бы сказать еще и еще, а время безнадежно уходит, начинаю все комкать, нарушать логику пропусками... А на меня смотрят глаза Николая Паулиновича... Но удивительное дело: эти глаза говорили: “Не робей, все идет правильно”. Какое там правильно, чувствую и знаю, что все идет наперекосяк. А в глазах его читаю одобрение, заставляющее все-таки довести лекцию до конца, хотя так хочется бросить все и убежать... А потом еще два, два с половиной часа, взяв меня ласково под руку, он долго водил меня по коридору и во всех деталях разбирал все, что я говорил,

что я должен был сказать, но не сказал, все, что сказал лишнего, даже неверного... Но больше в своей жизни я уже никогда не слышал такого разбора: строгого, обоснованного, требовательного, но удивительно уважительного, не обижającego, не унижающего, а окрыляющего».

Десятилетие, в течение которого Н.П. Руткевич вдумчиво и целенаправленно выращивал кадры историков, руководя кафедрой, стало и временем создания уральской школы новистов. В работе с дипломниками и аспирантами он уже тогда четко определил на десятилетия вперед направленность будущих исследований уральских новистов – клубок важнейших противоречий в Европе, на Балканах в ходе Первой и Второй империалистических войн. Доктора исторических наук, его ученики К.Б. Виноградов (Ленинград), К.Д. Петряев (Одесса), И.Н. Чемпалов (Свердловск), создавшие свои научные школы, не сговариваясь, пишут в своих воспоминаниях об исключительном влиянии Николая Паулиновича на «выбор дальнейшего пути», «направление последовательной деятельности», о том, что начало научных изысканий под его руководством дало «хорошую зарядку на всю последующую жизнь» (И.Н. Чемпалов).

Работу с учительством во всех ее разновидностях, а не только чтение лекций по основным своим курсам Николай Паулинович любил, как любил он и школу, считал ее своей первой обязанностью. Она была заложена в его личных планах как само собой разумеющееся. Важнейшим делом жизни он считал методику преподавания истории и отдал этому много сил. В год его приезда в Свердловск на истфаке СГПИ появились уже студенты 3-го курса, которым полагалось идти на практику в школу, а опыта организации

и проведения этой работы ни у кого не было. Силою обстоятельств он стал первым и на долгое время не просто главным, но и единственным методистом Среднего Урала. К числу новичков в этом деле он не относился – за плечами был опыт, накопленный в годы работы в вузах Украины. Однако трудности понятны, ведь еще не было ни программ, ни стабильных учебников ни для вуза, ни для школы. Не было опыта и у учителей истории города, к которым должны были прийти на практику студенты. К тому же первыми практикантами оказались студенты татаро-башкирского приема.

Создание базы для проведения практики оказалось делом непростым – надо было выявить лучшие школы, лучших учителей, которые могли бы (и умели!) делиться опытом со студентами. Подготовка учителей, с которыми приходилось все начинать, была неодинаковой и оставляла желать лучшего. Вот в этих школах и организовал практику первых уральских студентов-историков первый методист Руткевич. У всех у них он бывал (как только успевал!) на уроках, а в некоторых школах сам давал открытые уроки, учил присутствующих тщательному анализу и объективной оценке событий, вводил в практику работы новые методические приемы. В этих школах, с этими учителями, а позже с их молодыми преемниками истфак СГПИ проводил практику все последующее десятилетие. В ходе этой работы рос и совершенствовался Руткевич-методист. Составив программу курса методики преподавания истории, благо опыт был, он стремился вместе с учителями и слушателями курса обдумать, оценить, «переплавить» опыт, накопленный дореволюционной методикой, отобрать все лучшее, что в нем было, и этому учить молодых. Ведь готового опы-

та, который можно было смело пропагандировать, не было, а ссылки на старый в условиях господства авторитаризма были небезопасны, запросто можно было схлопотать один из ходовых тогда ярлыков: «пришпешника», «буржуазного объективиста», а то и похуже...

Для нас, его первых учеников, все было внове. Многие и историю-то начали изучать только в институте! Восприятие было примитивным, все представлялось проще: знаешь сам – расскажи другим. А к старой школе у большинства отношение было однозначно плевое: чему там учиться? – срабатывал стереотип: муштра, зубрежка. Лекции Руткевича учили уважительному отношению к прежнему опыту. От него мы день за днем, от лекции к лекции узнавали о поколениях методистов, которые думали над тем, *как* учить истории. Методика же его самого не была рецептом, но была достаточно конкретной: приводимые примеры говорили о возможности выбора приемов и средств в зависимости от возрастных и политологических особенностей учащихся. Руткевич-методист стал влиять на Руткевичалектора. Мы стали замечать, что теперь и при чтении лекций основного курса новой истории он стремится так преподнести материал, чтобы мы не только узнавали, *что* произошло, но и задумывались бы над тем, как это донести до учеников. Он не просто давал знание по своему предмету, как это бесстрастно делает большинство лекторов, он *учил учить*, вырабатывал у слушателей практические умения. Любя свою профессию, любя школу и молодежь, будучи новатором по характеру, он заложил на истфаке СГПИ основы всеобъемлющей педагогизации. Из хорошо подготовленного учителя истории всегда выйдет научный работник, а наоборот – не

всегда. Позже, при слиянии истфаков Свердловского педагогического института и Уральского университета, эта тема стала предметом острых дискуссий: члены приемной комиссии университета готовы были отвергнуть все лучшее в вопросах методики преподавания истории и превратить педагогизацию в своеобразный жупел. Десятилетия спустя жизнь поставила точку в этих спорах: из всех областей Российской Федерации в качестве полигона для проведения опережающего эксперимента преподавания истории и обществоведения в новых исторических условиях Академией педагогических наук РСФСР была избрана Свердловская область, здесь оказалось созвездие учителей-методистов – учеников и продолжателей Руткевича-методиста. Здесь не случайно была создана научная лаборатория АПН, членам которой оказались по плечу и экспериментальная работа в области методики преподавания истории, и победы в конкурсах на лучший учебник, и опережающее преподавание новых предметов по самостоятельно разработанным программам. Все это оказалось возможным благодаря основам, заложенным в далекие 1930–1940-е годы.

Трудно отказать себе в удовольствии привести несколько отрывков из воспоминаний бывших студентов-практикантов о своем руководителе.

«Предельно четко организовал Николай Паулинович практику в школе. К нам он относился по-отечески чутко, поддерживал тех, кто впервые встал за учительский стол, всемерно помогал преодолеть страх» (Н.И. Добрынина).

«Это был изумительный преподаватель и чудесный человек. Именно ему мне хотелось подражать во всем, именно его пример всегда сто-

ял перед глазами, когда я в первый же год своей работы оказалась не только учителем истории, но и методистом» (Т.А. Воронина).

«Нам, несомненно, очень повезло с Учителем. Как важно было для нас, будущих учителей, научиться не только знать и понимать историю, но и уметь ее преподавать живо, интересно, образно, так, чтобы дети любили историю и умели исторически мыслить» (М.И. Ушаков).

«Неизгладимым остался в памяти урок по истории английской революции, который наш профессор давал в школе № 13 для студентов-практикантов нашей группы. Впервые войдя в этот класс, он овладел вниманием учениц и вовлек всех в активную работу. После такого урока домашнее задание было излишним, так как он не просто объяснял материал, но и подводил своими вопросами к нужным выводам» (А.С. Лысакова).

А мне мой первый в жизни урок по истории в школе № 5 (шестьдесят с лишним лет прошло!) очень памятен. Опыт педагогической работы у меня был, а трудностей все равно оказалось очень много. Ведь мы же стремились делать все так, как это делал он. Казалось это так просто... Взять, к примеру, его работу с доской во время лекции. Порядок ее использования был строго продуман. Слева вырастал по ходу лекции столбик фамилий авторов трудов (в период историографического обзора), справа записывались имена исторических деятелей. Еще столбик – названия мест сражений, восстаний и других событий. И боже упаси, чтобы все было записано кое-как, вперемешку – все в системе! Особое значение записям на доске уделялось при выяснении логики событий. Столбик дат не был чем-то «мертвым», к нему лектор неоднократно обращался со всевоз-

можными: «а если бы?» или «допустим», «могло ли быть иначе?» и т.п. Наш профессор мечтал о том, чтобы лектору не писать даты по ходу дела, а пользоваться готовыми карточками с датами, которые можно было бы выставлять или убирать по мере надобности, давать студентам в россыпи или в различных комбинациях. Прошли годы и лучшие учителя города и области осуществили эту его «задумку», а в нашем университетском кружке исторических игр, уже спустя годы после его смерти, всяческая «россыпь» дат, имен, названий мест исторических событий воплотилась в интересные квадраты, лото, домино и другие обучающие игры.

Мечтал Николай Паулинович и о более широком и разнообразном применении на уроках, семинарах и экзаменах отрывков из исторических документов, характеристик исторических деятелей и художественных произведений. Но возможности в те годы были весьма ограничены: хрестоматий было мало, и те вскоре были запрещены, так как их составители пополнили ряды «врагов народа», а о множительных аппаратах не могло быть и речи. Позже, уж когда истфаки слились, метод этот встретил не просто одобрение, а и широкую поддержку, уже не воспринимался как «методические штучки». Поиск всевозможных новшеств, помогающих интересно преподавать историю и добиваться лучших знаний, шел на кафедре постоянно, а достигнутые успехи в период практики тиражировались в школы, в школьные кабинеты истории.

Спустя годы, когда возможность экспериментировать стала реальной, многое из того, о чем мечталось нашему профессору и его молодым коллегам, удалось осуществить уже не только в масштабах Урала, но и

по всей стране в результате деятельности в Свердловске научной лаборатории АПН РСФСР.

Шли годы. Доцент Руткевич (звание профессора с него сняли в 1938-м) подготовил себе замену: его ученики работали методистами на истфаках Свердловского педагогического института и Уральского университета, в областном Институте усовершенствования учителей, в горметодкабинете и в городах Свердловской области. Казалось, можно было отойти от методики, тем более что много сил и времени уходило на подготовку научных статей и докладов, работу над докторской диссертацией, публичные лекции по истории международных отношений и текущему моменту. Но школа, работа с учителями, старшеклассниками (будущие олимпиады школьников – одно из его начинаний), вечные заботы о подготовке все новых и новых кадров историков остались до конца дней его самым важным делом. Здесь уместно привести его собственные слова, обращенные к выпускникам школ в трудном 1943-м: «...Любовь к профессии учителя – источник личной удовлетворенности и великая помощь в преодолении трудностей жизни. Она не только источник личного счастья, она – верный путь к тому, чтобы стать полезным членом общества, ибо в первую очередь именно через профессию мы включаемся в общественную жизнь. Важно, избрав профессию, полюбить прочно и надолго. На всю жизнь!»<sup>1</sup>

В заключение обратимся к воспоминаниям учеников и коллег Н.П. Руткевича, в которых они говорят о профессиональных, человеческих его качествах. Пересказывать воспоминания трудное, просто невозможное дело. Ограничимся частью подлинных текстов, которые воссоздадут, как нам кажется, порт-

рет этого достойного во всех отношениях Человека.

«В жизни мне удалось слышать немало блестящих лекторов, но никого из них сравнить с Руткевичем я не могу. Как никому, Николаю Паулиновичу удавалось сочетать строгую научность и логику ученого с мастерством художника. Да, именно художника! В каждой его лекции были вставные новеллы-портреты исторических деятелей, событий. Он не был лектором-актером и не перевоплощался в персонажей своих лекций. Ничего актерского ни в голосе, ни в жестах его не было, а между тем его миниатюры были именно сыграны и запоминались на всю жизнь. Как он достигал этого? Откровенно говоря, не знаю» (Л.Н. Коган).

«Нам, студентам СНУ-УрГУ, учившимся там в военные годы, везло на хороших учителей. Первым в этом ряду я, да и не только я, считаю Н.П. Руткевича – крупного ученого, который, к сожалению, не обрел всесоюзной известности, прекрасного историка-аналитика, замечательного лектора – “уральского златоуста”, как не без зависти называли его историки-москвичи, находившиеся в годы эвакуации в Свердловске» (С.Г. Лившиц).

«Это был прекрасный лектор, очень милый в общении со студентами человек. Интеллигент. И взыскателен был, как положено с нашим братом. Слушали мы его лекции в бывшей школе № 9. Лекции читались нам вечерами. Холодно было ужасающе. И Николай Паулинович читал в пальто и в шапке, на шее шарф. Очень жалею, что не все его лекции прослушала – не всегда удавалось попасть. Днем мы дрова пилили для какого-нибудь госпиталя. Грузили со склада, что велят. А вечером на лекции не всегда и доберешься» (Е.С. Клепинина).



«Мне в жизни посчастливилось слушать лекции многих выдающихся ученых Москвы, Ленинграда, Казани, Минска и других городов страны. Следует сказать, что как лектор и преподаватель, Николай Паулинович, даже в сравнении с лучшими лекторами, явление уникальное. Его талант – редчайший феномен. Вряд ли он сам понимал значение своего воздействия на слушателей, ему чужда была какая-либо рисовка, поза. Все у него получалось без нарочитости – естественно и просто» (К.Д. Петряев).

«Ярко, увлекательно читал он свой любимый предмет, и усталость нашу как рукой снимало. Я тогда на Уралмаше работала, все наши работали в госпиталях, кто на заводе. А по вечерам все спешили, чтобы не пропустить ни одной лекции, мчались в школу № 9, где ютился истфак. Нас, слушателей истфака, так мало... Каждого из нас он знал, был внимателен к каждому. Милый человек! Когда читал – сам увлекался и глаза закрывал (была у него такая привычка) – так легче сосредоточиться!» (М.А. Лесина).

«Его лекции были интересны, слушать их было просто приятно. Они были убедительны, максимально доказательны. Он учил анализировать материал, оценивать факты. Был очень внимателен к настрою аудитории, интересовался и записями, и усвоением. Прошло больше полвека, а я все помню его за кафедрой с указкой – никто так не работал с картой. Очень своеобразно он пользовался мелом и доской, когда приводил доказательства выдвинутого им тезиса. Это был настоящий лектор. Лучше его у нас не было. И на разговоры со студентами он шел охотно» (К.В. Попов).

«То, что мы услышали уже в первых лекциях Николая Паулиновича, разительно отличалось от прежде

слушанных лекций, стало настоящим откровением. Все, что мы слушали до него, стало казаться примитивным, школярским. В его лекциях не было ничего упрощенного, облегченного, применительно к нашей молодости и необразованности, никаких скидок на наш еще невеликий научный багаж! Он как бы призывал нас осмысливать, изучать новую историю на равных. Лекции заставляли думать, размышлять уже по ходу действия – конспекты получались толковыми, осмысленными. Уже на IV курсе мне удалось прослушать целиком его курс по истории международных отношений, оценить блеск его мастерства, безукоризненный язык, строгую логику изложения, насыщенность курса не просто фактами и событиями, а постижение глубинных закономерностей исторического процесса» (А.Г. Рахманова).

«Каковы были сильные стороны достойных подражания лекций Н.П. Руткевича? Поражала исключительная логичная стройность, что позволяло нам, его слушавшим, неотрывно следить за ходом его мысли, его рассуждений, именно рассуждений, так как профессор в ходе чтения лекции ставил перед собой (и, естественно, перед нами!) вопросы и сам отвечал на эти вопросы. Поражали глубина, убедительность научной трактовки и научная достоверность приводимых доказательств» (М.И. Ушаков).

«Спустя годы, накопив свой опыт чтения лекций, не могу не отметить исключительной запоминаемости его лекций. Был случай – пришла на лекцию сразу после разгрузки очередного эшелона с ранеными. Не оказалось при мне ни карандаша, ни блокнота. Единственный раз в жизни я слушала учебную лекцию, не ведя записи. Записав дома по памяти, позже сравнила с записью со-

курсницы. Результат поразил нас обеих – столь стройна была логика, так мастерски были выделены основные тезисы и убедительна доказанность!» (Ф.С. Гинзбург).

«Он умел так подать историческую личность, отметить ее характерные черты, “нарисовать портрет”, что перед слушателями возникал совершенно живой образ» (Г.В. Могутина).

«У Н.П. Руткевича эмоциональные элементы, неизменно сопровождавшие изложение важнейших событий, переносили нас в те исторические условия, в каких разворачивались эти события. Лично я, например, почему-то становился если не участником, то по крайней мере свидетелем процессов, о которых шла речь в лекции. Мне трудно сказать, в какой мере такое “возвращение в прошлое” было свойственно другим студентам. Я же зримо представлял себя в кругу людей той эпохи с ее особенностями, национальными чертами, нравами, предубеждениями и т.п.» (К.Д. Петряев).

«До сих пор помним мы глубокие по содержанию и яркие, блестящие по форме лекции Н.П. Руткевича. Придя на работу в школу, мы старались во всем подражать ему. У него мы переняли его стиль – стремились “очеловечивать” историю, показывать зримо живых людей – творцов истории с их чертами характера, сильными и слабыми сторонами мировоззрения, а уж потом переходить к оценкам и обобщениям» (З.М. Дзюбинская, Л.И. Дзюбинский).

«Как же Николай Паулинович умел подавать образы исторических деятелей? Несколькими штрихами он так изображал, к примеру, деятелей французской революции, что они на всю жизнь врезались в память слушателей. Сколько же надо было думать над тем, как скупыми

штрихами (он никогда не “топил” лекцию в деталях!) показать в человеке самое главное, только ему присущее, чтобы у слушателя возник образ человека и его эпохи. Руткевичу удавалось, как никому другому, создавать, как говорят психологи, “эффект сопричастности»» (Ф.С. Гинзбург).

Многие из учеников и коллег в своих воспоминаниях задаются вопросом: как он достигал такого уровня лекций, таких результатов? И отвечают, как это видно из приведенных выше отрывков, по-разному. Так, у доктора философии Л.Н. Когана читаем: «Сейчас я сожалею, что в свое время ни одной лекции я не слышал у него дважды и не имел возможности наблюдать, как сочетались у него “домашние заготовки” и импровизация. Однако уверен, что импровизация играла большую роль, т.к. это был человек творческий. Он жил лекцией, у него было исключительное чувство аудитории и ему никогда не было скучно читать, материал увлекал его, а любовь к профессии обязывала к постоянному совершенствованию». Самостоятельность мышления и творческое отношение к материалу выше всего ценил он в ответах учеников, что хорошо показано в воспоминаниях А.С. Лысаковой и Г.В. Могутиной: «Профессор любил анализировать художественные версии тех или иных исторических событий. Предостерегая от использования литературного произведения в качестве простой иллюстрации, он не забывал напомнить, что это не документ и не научное исследование той или иной проблемы, а особое видение, на которое автор имеет право. Нам, его ученикам, становилось ясно, что надо удерживаться от огульного отрицания тех исторических романов или повестей, в которых имеет место вымысел, а раз-

мышление над ними и возможность вступить в “спор” с автором – дело тоже полезное, способствующее формированию у читателей исторического мышления. Мы с увлечением читали исторические романы, не желая, как говорится, “ударить лицом в грязь”. Ведь было известно, что, выслушав ответ на экзамене, он мог спросить: “А в каком произведении эти события отражены, как?” Встречаясь с сокурсниками спустя годы, я узнавала, что ни я одна, а все мы широко использовали его опыт, приучая ребят к чтению классики».

Во многих воспоминаниях подчеркивается еще одна очень важная черта Руткевича-лектора: индивидуальный подход к студентам, забота о том, чтобы до всех все дошло. Ведь первые выпуски были весьма «разношерстны» по своему составу, по степени подготовленности, начитанности и умению слушать и записывать лекции. Не было лектора по ту сторону кафедры и слушателей по эту. Создавалось впечатление, что это не лекция вовсе, а разговор с одним собеседником, с которым интересно. От большинства лекторов его отличало то, что он никогда не читал, а часто значительную часть лекции проговаривал с закрытыми глазами – была такая привычка. И в том, что из аудитории в перерыв он часто не уходил, был смысл. Брал записи у одного, у другого. Смотрел, качал головой то одобрительно (любил при этом проводить ладонью правой руки по бритой голове), то настороженно. А после перерыва разъяснял дополнительно, что «не дошло». Студенческим конспектам он, как никто, придавал исключительное значение. Их он часто брал домой, потом не забывал рассказать, что в них хорошо, что плохо. Учил, как вести записи экономнее, что и как выделять при последующей работе. Он не подлаживался ни к

середнякам, ни к тем, кто отставал. Им он помогал особо. Понятно, со студентами последующих наборов, когда на 1-й курс приходили выпускники средней школы с одинаковой подготовкой, заботливому лектору работать стало много легче, чем с первыми выпусками.

Все другие виды педагогической деятельности Н.П. Руткевича нашли отражение в воспоминаниях. Так О.Е. Вайнер пишет: «Все без исключения рабочие встречи на зачетах, экзаменах, обзорных лекциях, при разборе открытых уроков, лекций, семинаров были педагогически ценны, хотя и были начисто лишены назидательности и нудного поучительства с его стороны. Чаще всего можно было услышать фразу типа: “А может быть лучше было сделать так?” Или: “Вот это, мне кажется, получилось более удачно»” Нас, молодых, он учил, боясь обидеть, старался учить, не поучая, не задевая чувства собственного достоинства. Он был трогательно деликатен».

«Н.П. Руткевич читал нам новую историю настолько интересно, что на старших курсах мы все решили специализироваться по ней. У него все виды занятий проходили интересно. Особенно запомнились мне коллоквиумы и семинары по истории французской революции. Была война, мы сидели в холодных аудиториях, при скверном освещении, но забывали обо всех невзгодах» (Л.Н. Лукашевич).

Что касается меня, то я с благодарностью вспоминаю его науку подготовки и проведения обзорных лекций, которую постигала вместе с ассистентами и аспирантами его кафедры. Он внушал нам, что это трудный, но весьма благодарный вид коллективной работы лектора и аудитории, что, хоть это и совсем непросто, бояться этого вида работы не надо.

«У молодого человека, – говорил он нам, – по мере освоения отдельных частей курса, успешной обработки конкретных тем может развиться вредное, даже опасное чувство “самообольщения”, вроде – все могу, достиг! А на самом деле до зрелости еще ой как далеко!» Он был самокритичен и, ссылаясь на свой опыт, говорил, что первые три года ушли на освоение курса, а обзорных лекций он не читал. Не то, чтобы робел, но и уверенности должной не испытывал. Пришлось заставить себя. Насмотрелся, как мучаются многие хорошие студенты на госэкзаменах, тонут иной раз в море фактов. Понял, что обзорные лекции – великое дело. Это заключительный аккорд, играющий исключительно важную роль в шлифовке историка. Исторический материал, преподносимый в лекциях обычно «по вертикали» (в хронологической последовательности), обзорные лекции помогают перевести «в горизонталь», установить и синхронность и взаимосвязь событий, происходивших в жизни разных народов и даже континентов, способствуют усвоению закономерностей исторического процесса. Важен сам процесс подготовки к обзорной лекции, так как он приносит чувство самоуважения, столь необходимое лектору-учителю. А студенту участие в обзорной лекции должно помочь снять неизбежное перед госэкзаменом чувство страха, систематизировать материал и придать уверенность. Наиболее трудными для себя он считал обзорные лекции с картой, так как приходилось изменять своей любимой манере – читать, закрыв глаза, сосредоточившись. Вообще-то в первые годы работы он считал себя «слабаком» в работе с картографическим материалом, не без труда преодолевал этот недостаток и много времени употребил на поиск

и внедрение на кафедре в среде коллег и студентов самых разнообразных приемов, развивающих картографическую грамотность. Положительные результаты не замедлили сказаться: на столах в ходе лекций рядом с историческим атласом появилась «немая» (контурная) карта, а в аудитории – «немая» (на линолеуме) настенная карта Европы. Во внедрении этого новшества большая роль принадлежала сотрудникам исторического кабинета.

Обо всех исторических кабинетах, создание и развитие которых он считал важнейшим для себя делом, следует сказать особо. Что это за учебное подразделение никто толком не представлял, как неясны были и функции обслуживающего персонала – лаборантов. В условиях середины 1930-х годов при отсутствии учебников, наглядных пособий, учебных карт, да и вообще исторической литературы, приходилось все начинать, как говорится, с нуля. План работы тщательно был продуман самим заведующим кафедрой. Большое внимание уделялось учебным каталогам, тематическим картотекам и изготовлению пособий. Одновременно с созданием учебного кабинета на факультете разработаны были планы работы исторических кабинетов в ИУУ и школах города, в которых проводилась практика. Не случайно поэтому в последующие десятилетия и по этому параметру Свердловск был избран АПН РСФСР для экспериментальной работы.

Трудно отказать себе в удовольствии привести еще несколько отрывков из воспоминаний военных лет о Руткевиче-экзаменаторе.

«Большое воспитательное значение и воздействие на студентов имели экзамены. Ответы он комментировал (чаще всего очень кратко), трудолюбие студента поощрял, по-

могал, если ответ шел не очень гладко. Бывал и другой комментарий: “Ответ отличный! Но ведь это нам ничегошеньки не стоило – просто у Вас отличная память!” Или при другом ответе: “Вот Демин “идеально” ничего не знает, придется подзаглянуть с ним”» (А.С. Лысенкова).

«В те годы, тревожные и сложные, учиться в КИЖе (Коммунистический институт журналистики, с 1941 г. – факультет журналистики Уральского университета. – *Прим. ред.*) было очень трудно: учебников не было, все материалы приходилось выискивать в различных изданиях. Особенно тщательно готовились по предмету Николая Паулиновича – слишком сильно было уважение к нему. Мы знали, что он необычайно добр, но никогда не пользовались этим. У меня болела мама, и я попросила деканат дать мне отсрочку на пару дней, считала, что недостаточно готова. В аудитории, где наши сдавали, уже никого не застала, Николай Паулинович долго беседовал со мной, задавая разные вопросы из курса. Оказалось, что мои ответы вполне его удовлетворили» (В.М. Масленникова).

«По возвращении в университет летом 1942 года после госпиталя я была вынуждена сдавать три экзамена (по периодам) по новой истории, практически не слушая курса. Было страшновато, всем было известно, что экзаменует он серьезно, даже строго, но объективно и весьма доброжелательно, и поблажек никому не допускает. Но все обошлось как нельзя лучше. Н.П. экзаменовал совершенно исключительно. Это была спокойная, обстоятельная беседа по различным вопросам курса, разумеется без всяких билетов. С удовольствием вспоминаю – получила две пятерки и четверку. Для меня важнее всех моих прежних “успехов” и отметок в зачетной

книжке были его слова: “С Вами приятно было беседовать”» (А.Г. Рахманова).

Можно было бы продолжать и продолжать отрывки из воспоминаний, в которых речь идет о его «безупречном вкусе», «скромном артистическом достоинстве», с которым он держался, о том, что свойственны были этому человеку не только «юмор и ирония», но даже и «изящество», о том, что его ученики испытывали от общения с ним «восхищение и гордость и желание во многом следовать». Но, очевидно, все это может быть сведено к признанию того, что это был настоящий интеллигент – скромный и обаятельный, что велики его заслуги в процессе духовного становления личности многих поколений студентов, в формировании не только общеисторической и общенаучной культуры, важных профессиональных черт, но и интеллекта будущего педагога-историка. И да простят нас те, чьи искренние, теплые слова признательности и любви к нему не были здесь приведены.

Почти полтора десятилетия отдал Н.П. Руткевич становлению и развитию уральской исторической школы. Во многих делах и начинаниях он был первым. С его идеями и трудом связано большинство традиций уральских историков.

Был он человеком своего времени, а время не было к нему добрым и ласковым. Он мог сделать много больше, но не все было дозволено. В его время часто преуспевали не те, кто много делал и достигал, а те, кто постоянно «бдил» (а то и доносил!), кто все время «боролся», то с «буржуазным наследием», то с «ненужными новациями», то с «врагами народа», то с «враждебными происками», то с «объективизмом», то, наконец, с «космополитизмом и низкопоклонством перед гниющим За-

падом». Особенно трудно в этих условиях было лекторам-международникам, опасность быть уличенными в «нелояльности», а то и прямом «пособничестве» поджидала на каждом шагу. Вдвойне трудно было их руководителю – заведующему кафедрой всеобщей истории. Можно только представить, сколько тревог и бессонных ночей выпало на его долю, сколько нападков и враждебных вылазок должен был он парировать. В его автобиографии есть такие строки: «С начала Отечественной войны состою нештатным лектором Горкома ВКП(б), с 22/VI-1941 года по 22/XI-1942 года мною прочитано 154 лекции на международные темы»<sup>2</sup>. (А в приеме в партию ему было отказано...) Не в лучшее время был приглашен на работу в СГПИ профессор Руткевич, не лучшие годы в развитии исторической науки и идейной жизни страны стали временем его плодотворной научной, педагогической и общественной деятельности на Урале. Южанин, он с трудом привыкал к особенностям нашего климата, но ценил красоты нашей природы, называя Урал северной Швейцарией. Он полюбил наши театры (премьер не пропускал), филармонию с ее

особым миром искусства. Он стал известным гражданином города.

В заключение позволим себе привести еще два, как нам кажется, важных отрывка из воспоминаний о Н.П. Руткевиче.

«Думаю, что Н.П. Руткевич, его жизненный и научный путь должны быть удостоены внимания историографов и историков народного образования Урала. Для меня ясно, что это была незаурядная личность, и что-то помешало ей достичь большего. Что?» (А.И. Серов). И, как бы отвечая на этот вопрос, академик Л.Н. Коган (не читавший воспоминаний Серова) пишет: «Он был великолепным методистом. Подражать ему невозможно: таким лектором надо родиться. Могу сказать одно: он был великим лектором и великим педагогом. Только непробиваемый, казенный формализм нашей вузовской системы тех лет не дал ему возможности получить те звания, которых он заслуживал куда больше других».

<sup>1</sup> Руткевич Н.П. Трудное и увлекательное дело // Сталинец. 1943. 16 апр.

<sup>2</sup> Арх. СГПИ. Д. 1151. Л. 9.

*Г.А. Кулагина,  
доцент*